Е. В. Косинцева

ОБРАЗ МАТЕРИ В ХАНТЫЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Работа представлена кафедрой общего языкознания и уралистики Института языка, истории и культуры народов Югры Югорского государственного университета.

Хантыйская литература весьма скупа на женские образы. Вместе с тем именно женский образ помогает лучше понять национальный характер, значительно расширяет границы мужского начала в хантыйской литературе. Типология женских образов довольно ограничена в хантыйской поэзии, у ряда поэтов женский образ проявляется лишь в отдельных произведениях. В лирике М. И. Шульгина, В. С. Волдина, М. К. Вагатовой, Р. П. Ругина, В. А. Мазина достаточно ярко представлена галерея женских образов. Предельно искренни поэты при создании образа матери – характера сильного, несгибаемого, жертвенного, искреннего, преданного. Весьма четко прослеживается и общность восприятия поэтами образа матери: сердце и руки становятся едва ли не единственной составляющей образа. Материнский образ строится на интуитивно-чувственном восприятии. Поэты создают образ через временную перспективу прошлого. С образом матери связано в хантыйской поэзии и молитвенное начало, и мотивы покаяния.

Ключевые слова. *образ, мать, женщина, поэзия, хантыйская литература.*

E. Kosintseva

IMAGE OF MOTHER IN KHANTY POETRY

Khanty literature is rather miserly for female images. At the same time, a female image helps to understand better the national character and considerably expands the borders of the male origin in Khanty literature. The typology of female images is rather limited in Khanty poetry; it is only shown in separate works of some poets. The gallery of female images is brightly presented in the lyric poetry of M. I. Shulgin, V. S. Voldin, M. K. Vagatova, R. P. Rugin and V. A. Mazin. They are extremely sincere in creation of the mother's image – a strong, unbending, sacrificial, sincere, faithful character. The commonness of perception of the mother's image by poets is traced rather accurately: the heart and hands are probably the only components of the image. The mother's image is based on the intuitive and sensual perception. Poets create the image through the time prospect of the past. Both the prayerful basis and the motives of repentance are connected with the mother's image in Khanty poetry.

Key words: *image, mother, woman, poetry, Khanty literature.*

В литературе наравне с мужским присутствует и женское начало. В хантыйской поэзии типология женских образов весьма разнообразна и многопланова. Однако есть образ, к которому ведущие поэты обращаются с завидным постоянством, периодически возвращаясь к нему снова. Это образ матери. В литературоведении образ матери считается «эталоном женских достоинств». В хантыйской поэзии к этому образу обратились М. И. Шульгин, В. С. Волдин, М. К. Вагатова, Р. П. Ругин, В. А. Мазин. Создавая образ матери, поэты предельно искренни в своих чувствах.

М. И. Шульгин в стихотворении «Мама» создает образ, запечатлевшийся в душе поэта. Образ матери порождает песнь, которую с особой нежностью поет «в радости и в пе-

чали» благодарный сын женщине, подарившей ему жизнь. Отличительной чертой образа матери у Шульгина становится трудолюбие. Неслучайно в образе матери поэт выделяет руки, не знающие «ни устали и ни скуки», которые сравнивает со стрижами. Именно руки матери сопровождают его по жизни: в колыбели, во время болезни. В четвертой строфе стихотворения автора присутствует утверждение, которое нет смысла оспаривать: «Ты все отдавала детям…» [9, с. 34]. В финальной строке произведения – закономерный итог отношений благодарного сына к матери: «Тебе поклониться хочу!» [9, с. 34].

В. С. Волдин в стихотворении «Любимой матери» создает образ, которому адресованы самые дорогие слова детей. Один взгляд на лицо матери приносит радость. Поэт признается: «Мама, дорогая ты, мама, // Очень ты мне нужна». Волдин создает образ матери-друга. Материнский образ в лирике поэта светлый, одухотворенный, дарующий силу и уверенность, в отличии от образа отца, от одного воспоминания о котором, по признанию поэта, «тяжело <…> на душе становится». Акцентирует внимание Волдин на улыбке матери, которая является источником силы: «Пусть улыбка озарит твое лицо // И я сильнее стану».

М. К. Вагатовой в иерархии женского так же на вершину творчества возведен образ матери**.** Яркий образ собственной матери, личный опыт материнства позволили поэтессе воссоздать гармоничный идеал женщины-матери, дающей новую жизнь:

Не было б детей на свете, на большой
Земле моей,
Если б не было на свете незабвенных
матерей [3, с. 123].

Неслучайно Вагатова сопоставляет образ матери с весной, когда оживает вся природа, начинается новый цикл жизни окружающего мира, и с деревом, что позволяет говорить о мифологическом восприятии этого образа, соотнося его с древним древом жизни, основой мироздания. Отсюда и закономерное развитие фольклорно-литературной параллели Мать-Женщина и Мать-Земля. В. Н. Соловар в материале «Поэтесса земли Югорской» (1996) отмечала ту же закономерность: «Глазами поэтессы мы видим ее земляков <...>. Дети тайги – трудолюбивые, добрые, жизнестойкие, они чувствуют себя единым целым с Матерью-Землей. Стихотворение “Плач” болью отзывается в сердце: растрепали люди густые, кудрявые волосы Матери-Земли, поседели ее дивные косы, превратились в гнилые щепки, и лицо покрылось грубыми, страшными морщинами, иссохли синие глаза от слез… И в этом плаче страстная мольба, просьба не губить то, чем мы живем, чем дышим» [1, с. 5].

Материнский идеал у М. К. Вагатовой связан и с мотивом дома, Родины (природа выступает составляющей частью Родины, зачастую эти понятия становятся синонимичными в лирике Вагатовой).

Подчеркивая общую одухотворенность, щедрость образа, Вагатова вводит в поэзию солнце как образ-символ, соотносимый с очищающим, светлым началом, как образ небесного огня (известно, что в культурной традиции северных народов огонь является символом очищения, и в существующих легендах божество огня имеет женскую ипостась). Интересно, что поэтесса соотносит тепло солнца с грудным молоком матери, подчеркивая их животворящую силу:

Солнца тепло – что матери грудное
молоко.
Они равную силу имеют.
Они равную цену имеют [2, с. 18].

Раскрывая образ матери, Вагатова делает акцент на сердце. Веления материнского сердца выступают указующим перстом счастливой и достойной жизни. Сердце является летописью жизненного пути и главным показателем совести, а также выступает в роли ангела-хранителя. Особенно ярко это выразилось в стихотворении «Сердце матери»:

Сердце матери!
Скажите, в чем его простой секрет? –
Сколько в нем тепла! – у солнца и
десятой доли нет.
Красный свет светлей и крашен кровью
красной матерей,
Не с чем сравнивать на свете сердце
матери моей:

Коль с дорогой – то дорога бесконечно широка,
Если с силой – сила эта необъятно велика.
Коль с ценой – то нет дороже той цены на всей Земле,
Если с честью, без корысти, – не найти и слова мне.
Ну, а коль с ценою жизни сердце матери сравню,
То достоинства и чести сердца я не уроню.
В него старость не заходит, в нем упрека не найти,
И усталости в то сердце путь заказан. Нет пути!
В нем – мы первое дыханье, долгожданные, берем,
Открывая в жизни двери незабвенно белым днем.
Сердце матери!
Достойно, в счастье – жить оно велит.
Сердце матери!
Ты – совесть, и моя, и всей Земли! [3, с. 123].

В современной хантыйской литературе имеется несколько переводов этого стихотворения. Есть и подстрочный перевод самой поэтессы, есть и переводы, выполненные Н. Шамсутдиновым, В. Мазиным, А. Керданом. И оригинал, и переводы, несмотря на различия в рифме, ритмическом строе, передали основные составляющие образа матери: это и начало новой жизни, и сердечное тепло и красота, и заботы о детях, и не имеющая цену любовь. В матери соединились и два равных жизни понятия: «честь» и «совесть».

Образ матери в поэзии М. К. Волдиной приобретает и молитвенное начало. Для каждой женщины смыслом существования и продолжением во времени являются дети. Поэтому мать совершает таинство и обращается к высшим силам (Торум Большой Отец) с просьбой защитить и уберечь ее детей от болезни и смерти, от «темных» дней жизни, от горя и несчастий. В стихотворении «Молитва матери» особенно эмоционально звучат строки молитвенного обращения:

Я молю дочерям светлую жизнь,
Я молю сыновьям долгую жизнь,
Чтобы на их пути не было преград,
Чтобы их жизненные дороги бежали
По мягкой и гладкой Земле,
Мы бы все вместе спокойно жили [2, с. 17].

И в этой молитве виден идеал женского счастья.

К образу матери, созданному М. К. Волдиной, удивительно подходит высказывание Г. Адамовича, обсуждавшего образ матери в романе Б. Зайцева: «образ внутренне неисчерпаемо-жизненен и поэтому ни в новизне, ни в оригинальности не нуждается».

Прочное место образ матери занял в поэзии Р. П. Ругина. Н. Цымбалистенко в работе «Север учил, ничего не тая… (Творчество Р. П. Ругина)» (2008) указывает: «С особой теплотой и признательностью пишет умудренный жизнью поэт о матери, изобретая оригинальную метафору» [8, с. 14].

Образ матери, как обобщенный, присутствует в ряде произведений поэтического цикла «Память о войне». В цикле под словом «мать» подразумеваются все матери, этим словом автор стирает границы между народами и государствами:

Плакала мать за порогом Урала
В северном нашем краю… [7, с. 262].

Типичными чертами материнского образа у поэта становятся жертвенность и любовь. Эти черты раскрываются в отношении матери к детям. Безграничность чувств матери передал поэт в стихотворении «Материнская любовь». Используя образ утиного семейства, Ругин в последних строках стихотворения воплотил силу материнской любви:

Лапы стальные ей тело когтят
Утка собой прикрывает утят.
Хищник с добычей ушел в высоту,
Хищник терзает ее на лету.
Изнемогая от страшных когтей,
Утка глядит с высоты на детей.
Смерть не страшна ей: уже в камыши
Тихо вплывают ее малыши… [7, с. 289].

У матери одна радость – дети, и одно горе – их потеря. Образ матери, не желающей мириться с судьбой, постигшей ее детей, присутствует в стихотворении Ругина «Ветераны войны». На это указывал и Е. С. Роговер в работе «Изучение творчества Р. П. Ругина в школе»: «И вот уже мать узнает о

пропаже без вести старшего сына <…>. Женщина, отчаявшись, обращается к гадалке, которая утешает: “Пурга еще его след не замела!”. <…> Что может иное ответить гадалка – Такая же точно солдатская мать?» [7, с. 74].

В стихотворении Ругина «Проводы сына в армию» видим плач матери:

Плакала тихо, платком то и дело
Слезы стирала она… [7, с. 262].

В плаче отражена боль и тревога женщины. Именно со слезами на глазах помнит ее сын много лет спустя:

Но и сегодня тот день вспоминая,
Вижу я маму в слезах [7, с. 262].

Отражение страшных предчувствий матери видим в стихотворении Ругина «Горсть родной земли». Мать «всю войну и четверть века после» ждет возвращения сына в отчий дом. Плавно ожидания сменяются действием – мать стремится «Побывать хотя бы в том краю, // Где его солдатская могила, // Где сложил он голову свою» [7, с. 263], чтобы там «рассыпать горсть родной земли». Видим и слезы матери на могиле сына. В финальных строках стихотворения Ругин выводит литературную параллель: Мать-Женщина и Мать-Родина. Эту же закономерность подчеркнул в стихотворении и Е. С. Роговер: «Поэт создает скульптурный образ, своеобразный монумент Матери-Родины в стихах» [6, с. 82]

Интересно, что Ругин так же вводит руки как составляющую деталь образа матери. Им он адресует отдельное стихотворение «Руки мамы». При описании рук поэт использует глаголы действия «вскрывали… пластовали… плавили… сновали… стелились… прыгали…», которые использует при перечислении материнских домашних забот. Ловкость, расторопность ее действий поэт сравнивает с движениями горностая. Трогательные слова находит поэт, чтобы описать руки матери:

Легкие руки <…>
Мамины добрые,
Жесткие руки в мозолях
С детства привыкли
К нелегкой работе мужской <…>
А ее небольшие ладони
Время еще находили
погладить меня,
И становилось уютней
от этого в доме… [7, с. 290–291].

В стихотворении «Мать» Ругин прописал жизненный закон, определяющий отношение между матерью и детьми:

С первого пронзительного крика
До молчанья смертного
У нас,
Даже если ходим далью дикой,
Нету ближе материнских глаз.
Горе сына станется арканом
И на сердце матери моей.
Мать меня считает мальчуганом
Даже и на склоне моих дней. <…>
Нам во сне любое может сниться,
Ну а мамам снимся только мы. <…>
Эти наши радости и беды
Молодят иль старят матерей [7, с. 291].

Поэт подчеркивает, что и на закате жизни матери живут «добрыми» делами детей, которые подобно птицам летят к ним. В финальных строках произведения появляется мотив вечности: все меняется в мире, «Только сердце матери сквозь годы // Светит одинаково светло». Впервые поэт вводит глаза как дополняющую деталь в образ матери.

Любовь матери как истинная ценность раскрыта Ругиным в посвящении «Матери». Поэт осознает цену искренности, доверия, надежности, бескорыстности и преданности через время. Не оправдывая себя, он пишет:

Не бесчувственней я был,
А был моложе…
Но с годами – <…>
Мать становится дороже и дороже,
И тепло ее мне душу наполняет [7, с. 46].

Говоря о матери (здесь, как и в стихотворении «Мать», образ носит автобиографические черты), поэт называет ее «дорогой», «единственной». Есть в произведении и мотив покаяния. В финальных строках отражена четкая убежденность поэта, вся глубина его привязанности к женщине, подарившей «закаты и восходы»:

Не заменит ни подруга, ни товарищ
Материнского святого наставленья.

Не обнимешь мать
И не одаришь.
Но во мне она –
Душевным зреньем! <…>
Только мать
Способна через годы
Согревать
Детей дыханием последним [7, с. 47].

Образ матери присутствует и в произведениях В. А. Мазина. Поэт создает образ сильной женщины с волевым характером, способной на многие жертвы ради единой цели – жизни детей. Мазин создает образ матери в контексте военной темы в стихотворении «Маме»:

Ах, как ты только выжила
В военной той беде?
Ты молодость не нежила
Купальщицей в воде [4, с. 21].

В посвящении появляются слезы, но они являются не символом женской слабости, а силы, да и стон матери перекрывается песней. Слезы и стоны – редкое явление для сильного характера, на это указывает и поэт, используя глагол «случалось». Центральной же чертой женского образа становится трудолюбие и работоспособность:

Бросала, моя матушка,
Сеть-невод в кровь-зарю,
Голодные ребятушки
Сидели на юру.
Случалась песня стонами:
Слеза – в кормилец Вах… [4, с. 21].

Неслучайно поэт завершает произведение утверждением, что его «матушка», как и многие тысячи матерей, в тяжелое для народа и страны время держала «экономику на худеньких плечах».

Материнский образ Мазина автобиографичен, он создан как дань благодарности сына близкому человеку; на это указывает и используемое автором сочетание «моя матушка».

Образ матери-труженицы расширяется у поэта в стихотворении «Я тебе помогу». Автор пятикратным повтором стиха: «Мама, я сын, я тебе помогу» [4, с. 22], – усиливает связь между матерью и детьми. Не только мать все отдает детям. Автор показывает и обратную сторону взаимоотношений – сын стремится оказать посильную помощь ей и в работе (и заготовка дров зимой, и стирка белья в мороз, и покосы в летний зной), и разделить боль во время недуга.

Мазина восхищает не только трудолюбие, самоотдача матери; поражает и умение весело отдыхать во время праздников, самозабвенно отдаваться, получая удовольствие, и танцу, и песне. Этот образ веселой, жизнерадостной, заводной женщины запечатлен поэтом в стихотворении «Мамкины частушки»:

Машкарадихой ходила
Ты в округлый хоровод,
Под гармоню голосила
И подхватывал народ <…>
Ах, как лихо топотушки
Откаблучивала ты! [4, с. 23]

Вновь видим «мозолистые руки» как часть образа матери в стихотворении Мазина «У бедной матери два сына…» Здесь же возникает и «кручина» как сопутствующее настроение женского образа. Автор подчеркивает: «Такой не знают мужики» [5, с. 8]. Эта «кручина» выливается в добрую песню, которую «Разносит <…> ветер // От деревенского крыльца, // Чтобы вернулись в мирный вечер // Домой два мужниных лица» [5, с. 8].

Так поэты в своих произведениях воссоздают различные грани идеального облика матери – характер сильный, несгибаемый, искренний, преданный, жертвенный. Весьма четко прослеживается и общность восприятия поэтами образа матери: сердце и руки становятся едва ли не единственной составляющей образа. Материнский образ строится на интуитивно-чувственном восприятии с обращением в прошлое. С образом матери связано в хантыйской поэзии и молитвенное начало, и мотивы покаяния. Женский образ помогает лучше понять национальный характер, значительно расширяет границы мужского начала в хантыйской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вагатова М. К.* Маленький тундровый человек: стихи и сказки. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с.
2. *Вагатова (Волдина) М. К.* Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказки. Екатеринбург, 2002. 192 с.
3. Литература Югры. 1930–2000. Поэзия. Антология / сост. Н. И. Коняев. Люберцы: Унисерв, 2001. Ч. 1. 256 с.
4. *Мазин В. А.* Судьба, надежда и любовь: Лирические страницы районного стихотворца. Нижневартовск: Приобье, 1996. 111 с.
5. *Мазин В. А.* Ларьякский голос. Стихотворения. Нижневартовск: Приобье, 1998. 128 с.
6. *Роговер Е. С.* Изучение творчества Р. П. Ругина в школе. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2003. 176 с.
7. *Ругин Р. П.* Избранные стихи. Екатеринбург: Средне-уральское книжное издательство, 2004. 320 с.
8. *Цымбалистенко Н.* Север учил, ничего не тая… (Творчество Р. П. Ругина). Салехард: Красный Север, 2008. 56 с.
9. *Шульгин М.* Благодарность. Стихи. Свердловск: Средне-уральское книжное издательство, 1975. 96 с.

REFERENCES

1. *Vagatova M. K.* Malen'kiy tundrovy chelovek: stikhi i skazki. Tyumen': SoftDizayn, 1996. 208 s.
2. *Vagatova (Voldina) M. K.* Moya pesnya, moya pesnya. Stikhi. Legendy. Skazki. Yekaterinburg, 2002. 192 s.
3. Literatura Yugry. 1930–2000. Poeziya. Antologiya / sost. N. I. Konyayev. Lyubertsy: Uniserv, 2001. Ch. 1. 256 s.
4. *Mazin V. A.* Sud'ba, nadezhda i lyubov': Liricheskie stranitsy rayonnogo stikhotvortsa. Nizhnevartovsk: Priob'ye, 1996. 111 s.
5. *Mazin V. A.* Lar'yakskiy golos. Stikhotvoreniya. Nizhnevartovsk: Priob'ye, 1998. 128 s.
6. *Rogover E. S.* Izuchenie tvorchestva R. P. Rugina v shkole. SPb.: filial izd-va «Prosveshchenie», 2003. 176 s.
7. *Rugin R. P.* Izbrannye stikhi. Yekaterinburg: Sredne-ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 2004. 320 s.
8. *Tsymbalistenko N.* Sever uchil, nichego ne taya… (Tvorchestvo R. P. Rugina). Salekhard: Krasny Sever, 2008. 56 s.
9. *Shul'gin M.* Blagodarnost'. Stikhi. Sverdlovsk: Sredne-ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 1975. 96 s.